

Пролог

Совершенно секретно.

Строго предназначенному адресату.

Исходя из Ваших последних оперативных рапортов, можно утверждать, что круг агентуры главного противника, получивший доступ к стратегическим и тактическим материалам, касающимся операции «Вавилон», полностью выявлен и нейтрализован.

Однако ознакомление с подробной служебной запиской контрольной службы, курировавшей операцию, выявило серьезную погрешность в реализации приказа по устранению второго, вспомогательного звена резидентуры противника, также причастного в результате своей разведывательной деятельности к информации по исполнению долговременной акции «Вавилон».

В частности, обращаю Ваше внимание на агента-нелегала противника Олега М., в течение шести лет действовавшего на территории США под известными Вам именами и в настоящее время проживающего после выполнения задания на территории СССР.

Прошу немедленно принять меры по нейтрализации данного лица, несмотря на очевидную сложность такой задачи. Необходимость же ее срочного и безусловного исполнения диктуется прежде всего информационной осведомленностью вышеупомянутого агента противника по следующим вопросам:

1. Концепция операции «Вавилон».
2. Первоначальная ключевая фигура в исполнении операции и кандидаты на ее последующее замещение,

соответствующие переменам глобальной оперативной обстановки.

3. Подробности вербовочных контактов нашей службы с главным исполнителем операции, включающие эпизоды 1976 года на территории Италии.

4. Актуальная агентура влияния.

5. Перспективная агентура влияния.

6. Тактика перестановки агентуры и схемы ее поэтапного вывода из операции.

7. Методы провоцирования внутренних конфликтов среди агентуры, способствующих нестабильному положению участников операции в законодательных и исполнительных структурах власти.

Учитывая всемирную значимость операции «Вавилон» в ее принципиальном влиянии на судьбу существующей цивилизации, предостерегаю Вас от повторения ошибок, подобных допущенной в отношении Олега М., что позволило опытному и информированному агенту врага не только получить сведения о ходе секретнейших политических и разведывательных мероприятий, но и уйти с ними на собственную территорию.

Об исполнении приказа доложить незамедлительно.

«ПЕРВЫЙ».

Совершенно секретно.

«ПЕРВОМУ».

Во исполнение Вашего приказа, связанного с нейтрализацией на территории противника известного Вам лица, докладываю:

Специальная агентурная группа в качестве оптимального варианта для совершения акции избрала тщательно спланированную автомобильную катастрофу.

С сожалением вынужден констатировать отрицательный конечный результат действий группы в его «техническом» аспекте.

Искомый объект, управлявший автомобилем, в итоге аварии получил лишь незначительные телесные по-

вреждения, хотя остальные лица, находившиеся рядом с ним, погибли на месте.

Однако, несмотря на неблагоприятный исход операции, дальнейшими усилиями агентуры создана ситуация, при которой объект осуждается в порядке уголовного преследования за совершение дорожно-транспортного происшествия в нетрезвом состоянии на длительный срок, с отбыванием его в исправительно-трудовой колонии для гражданских лиц.

Создавшееся положение представляется вполне достаточным для охарактеризования его как итога выполненного задания, чему соответствуют следующие обстоятельства:

А. С абсолютной достоверностью выяснено, что доклад Олега М. по инстанциям в отношении операции «Вавилон» носил характер общий и приблизительный, как и предполагалось нашими аналитиками, утверждавшими, что состав агентуры влияния и личность главного исполнителя операции «Вавилон» твердо обеспечивают авторитетностью своего положения закономерные опасения агента как в целесообразности объективного рапорта, так и в отношении конъюнктурных позиций своего руководства.

Б. Для вступления в доверительный контакт с ключевыми фигурами в государственном управлении агентуры необходимо значительное количество времени, чтобы убедиться в непоколебимых патриотических позициях, занимаемых в настоящий момент данными лицами, а помимо того, потребуется и всесторонняя оперативная поддержка по обеспечению конфиденциальности подобного контакта.

В. Настоящее нахождение Олега М. под стражей ни в коей мере не способствует проявлению им скольконибудь активных действий, а приговор суда, несмотря на ощутимые попытки давления со стороны спецслужб, предполагается максимально суровым.

ВЫВОДЫ:

1. Нейтрализация агента противника принципиально завершена.

2. Решение суда и дальнейшее препровождение осужденного для отбывания наказания в ИТК обычного типа находится под контролем.

3. Проведение каких-либо дополнительных мероприятий в отношении объекта, во-первых, излишне, во-вторых, способно привлечь внимание покровительствующих ему лиц из генералитета КГБ, а в-третьих — спровоцировать объект на непредсказуемые действия.

«ЧЕТВЕРТЫЙ».

Совершенно секретно.

Строго предназначенному адресату.

Выражаю крайнее неудовольствие, считая выполнение задания по нейтрализации известного Вам агента противника принципиально незавершенным.

Согласен выждать необходимое для проведения повторной акции время.

Приказываю провести акцию на месте отбывания объектом срока назначенного ему наказания.

Неукоснительное исполнение приказа жестко и однозначно диктуется долговременностью и разноплановостью операции «Вавилон», а также ее чрезвычайной важностью для судеб мира, что настоятельно рекомендую Вам уяснить во избежание недоразумений.

«ПЕРВЫЙ».

Темно-синяя купель океана, простертая в солнечную бесконечность, словно качнулась под крылом заходящего на посадку самолета, чья серая тень скользнула по густой поросли пальм и черному вулканическому туфу прибрежных скал как бы внезапно вынырнувшего из водных пучин острова.

Джошуа Паркер сошел с трапа самолета, снисходительно оглядев представшую его взору идиллическую картину местного курортного захолустья.

В вышине сияло безмятежное тропическое солнце. У терминала прибытия, напоминавшего размерами и архитектурой фермерский сарайчик, стояли джипы-

уродцы с открытым верхом образца времен Великой депрессии.

Подхватив спортивную сумку, составлявшую весь его багаж, Паркер двинулся к стойке иммиграционной службы.

Чиновник в красной форменной безрукавке с уважением принял в руки синюю книжечку американского паспорта.

— Бизнес, туризм? — спросил заученно.

— Туризм, — небрежно проронил Паркер, хотя на языке вертелось правдивое — «бизнес». Однако о роде его бизнеса здесь, на Сейшельских островах, знать чиновнику категорически не следовало.

Страничку паспорта, предназначенную для виз, увенчал голубой округлый штампель с датой прибытия и надписью поверх даты: «Seychelles».

— Я могу идти?

— Если у вас нет ничего, что бы вы хотели предъявить таможене...

— Ничего.

— Желаю приятно провести время, сэръ!

Через считанные минуты Паркер, с интересом оглядываясь по сторонам, катил на такси к отелю, где зарезервировал номер.

Узкая дорога с левосторонним движением тянулась вдоль побережья, круто взбираясь в гору.

Мелькали лачуги со стенами из переплетенных пальмовых листьев, примыкающие к ним загоны для скота; порою виднелись уютные коттеджи с зеркальными окнами, утопающие в изумрудной тропической растительности; кладбища со зловеще-белыми тонкими крестами, оплетенными лианами...

Паркеру внезапно подумалось, что не хотел бы он лежать дохлым здесь, в выдолбленной киркой гранитной яме, присыпанным сверху коралловым песком... Хотя какая разница? И уготовленное ему вскоре нью-йоркское кладбище, протянувшееся до горизонта громоздящимися друг на друга надолбами надгробий, ничем не лучше по сути своей этого погоста на затерянном в океане острове...

Он скрипнул зубами.

Проклятый вирус, сжирающий плоть! Где же он все-таки умудрился подхватить его? Может, у какой-нибудь давно забытой девки, ведь сколько их было... А может, у стоматологов... Теперь уже трудно вычислить отправную точку того кратчайшего пути, что ныне напрямик ведет его к могиле. Да и к чему вычислять?

Есть факт. И с этим фактом надо как-то дожить. А как дожить — известно. В ладу со своей высокооплачиваемой профессией, раз; а два — пригласив составить себе компанию в аду всех, кого только возможно...

Многие уже получили это приглашение, многие... Кое-кто, правда, еще и не подозревает о нем, не уведомлен, так сказать... Не заглянул в свой почтовый ящик, ха-ха!

Паркер усмехнулся удовлетворенно, кривя губу. Что же... Это его хобби. Тренинг. А может, и продолжение работы. В любом случае он оказывает услугу аду, которому служит всю жизнь. Служит планомерно и без сомнений. А потому он, Джошуа, способен рассчитывать и на привилегии в тех мирах, что его ожидают... Он не из тех — слабеньких, грешащих и кающихся, мечущихся между искушением и праведностью, алчностью и бесребренничеством...

Он сделал свой выбор.

Отель назывался «Plantation Club». Его приземистые бунгало тянулись по краю подковы широкой бухты, отчерченной от океана ровной полосой белой пены, что обозначала невидимый риф.

За рифом начиналась синяя пропасть глубокой воды.

Сунув пластиковую карточку-ключ в паз замка, Джошуа вошел в номер — светлый, просторный, с огромным, до пола, окном, где виднелись близкие прибрежные пальмы и голубая океанская ширь.

На широком подстриженном газоне, разбитом вдоль фронтальной стороны отеля, в изобилии валялись перезрелые мохнатые кокосы.

Он набрал телефонный номер города — столицы

островов Виктории, располагавшейся в получасе автомобильной езды от гостиницы.

Ответил женский голос. Произнеся пароль, Паркер незамедлительно услышал надлежащий отзыв.

Встречу со здешним помощником по проведению операции назначили через два часа в центре города.

Джошуа надел плавки, халат, пляжные пластиковые шлепанцы и вышел из номера, направившись к небольшому ресторанчику, расположенному у бассейна.

Хотелось окунуться в океан, но, предупрежденный об обилии морских ежей, барракуд и скатов, а также о кусках кораллов, волочащихся вслед за волной и увечащих ноги купальщиков, он решил не рисковать, удовлетворившись бассейном: любая травма могла стать препятствием в предстоящей работе.

Подзаправившись жесткой говядиной, слобренной местным экзотическим соусом, и запив низкокачественное по своим вкусовым данным, однако шокирующе дорогое блюдо импортным немецким пивом, Джошуа, скинув халат, погрузился в бассейн.

Тот, кто был ему нужен — полный мужчина в темных очках, с рябоватым лицом, — сидел за столиком у края бассейна, в окружении двух блондинок, повествуя им, судя по выражениям лиц собеседниц, нечто забавное...

Поодаль томились три типа с мрачными, дегенеративными физиономиями — охрана.

Джошуа улыбнулся. Нет, все-таки этот русский — идиот. Притащить сюда, на Сейшельские острова, эти центнеры мяса, думая, что оно способно его защитить...

Впрочем, остается лишь позавидовать ребятам: им выпало на дармовщинку прокатиться на курорт — вероятно, в последний раз в жизни... А может, и нет. Как ляжет карта. Их или его, Джошуа.

Итак, сейчас предстояло совершить выбор: либо начать игру немедленно, либо повременить.

«А что даст выжидание времени? — подумал он. — Вот он, самый подходящий момент — нейтральный, не осложненный никаким надуманным предложением для знакомства...»

Он подплыл к краю бассейна. Непринужденно обратился к компании:

— О, я слышу русскую речь... Неужели вы сподобились добраться и до Сейшельских островов с вашими перестройками и демократией?

Паркер знал восемь языков. На русском говорил бегло, хотя и с заметным акцентом.

Человек с рябым лицом небрежно спросил:

— А откуда, позвольте узнать, русский язык столь хорошо знаком вам?

— Я американец, но мама родом из России... Так что рад увидеть здесь, на осколке Африканского материка, соотечественников предков.

— Хотите выпить? — Рябой кивнул на столик, густо заставленный полными и пустыми бокалами с напитками — как крепкими, так и безалкогольными.

— А... с удовольствием! — Паркер, подтянувшись на облицованном кафелем парапете, легко выскочил из воды. — Но заказываю я!

— Какая разница, кто... — с небольшим раздражением передернул плечами рябой.

— Символическая, — сказал Паркер, представившись тем именем, что было проставлено в актуальном на сей момент паспорте: — Майк Дуднев! — Мельком он взглянул на охранников, с невозмутимостью перекормленных бегемотов созерцающих сцену знакомства.

Их, охранников, не интересовал этот сорокалетний американец в плавках, бойко болтающий на их родном языке; какая могла от него исходить угроза? В их умах роились иные стереотипы: крадущиеся к дверям злоумышленники с бомбами, киллеры в подъездах с автоматами под полой, снайперы в чердачных окнах... Нет, в принципе ребята мыслили правильно и знали, как держать первую линию обороны, но вот как вторую и сто вторую — лишь в общих чертах...

Свою профессию Паркер обозначил согласно выработанной легенде — хиропрактор, обучавшийся в Тибете.

Рябого, именовавшегося Сергеем, мучил остеохондроз, лечил его известный английский врач традицион-

ными методами, лечение не помогало, и, учитывая склонность пациента ко всякого рода мистическим процедурам, аналитики ЦРУ порекомендовали Джошуа сыграть именно на этом моменте, снабдив его подробными фактами об установленных недомоганиях интересующего объекта. Что Джошуа и элегантно проделал, вызвав своей проникательностью восхищение как у Сергея, так и у блондинок, тотчас же напросившихся заодно продиагностировать и их.

Дамам Джошуа, естественно, не отказал, тем более подобная их реакция была заранее учтена, а все их прошлые и настоящие хвори он также знал досконально.

Одна из блондинок, представленная ему сестрой блондинки иной, являлась любовницей Сергея. Иная же блондинка была законной женой, сознательно решившей уступить любвеобильному мужу в вопросе двойного брака и прекрасно, по данным Джошуа, уживающейся с его наперсницей.

Что говорить, семейка Паркеру досталась в разработку занятая. Впрочем, чего только он, знаток зла и порока, не видел и не испытал в своей жизни; он — полиглот, спортсмен, медик, историк, психолог и — убийца...

Многогранность же его разносторонних специальностей определялась единственным, конкретным статусом агента Центрального разведывательного управления.

Через полчаса Джошуа и Сергей болтали с неприужденностью старых приятелей, попивая ледяной джин с тоником.

Темы разговора со всеми промежуточными связками были выверены, у русского невольно зарождался интерес и расположение к незнакомцу, и Джошуа оставалось лишь холодно фиксировать адекватность предвосхищенных в теории реакций собеседника и его спутниц с реально достигнутыми.

— Прошу прощения... — Паркер взглянул на часы. — Мне пора ехать за женой, она ждет меня в городе...

— У вас здесь жена? Очень хорошо! — отозвался Сергей. — В семь часов вечера ждем вас в своем номере.

На сем Джошуа откланялся.

Возвращаясь в свои апартаменты, он с одобрением вспомнил о коллегах, готовивших операцию. Ребята все просчитали правильно. Во-первых, жена. То есть напарник, играющий такую роль. Весьма необходимый аксессуар. Отдыхать на Сейшельские острова, где бытовал известный консерватизм в укладе жизни, приезжали, как правило, семейные пары, и одиночки смотрелись здесь белыми воронами.

Во-вторых... Да что там во-вторых! Ему выдали даже «Ролекс» с корпусом, усыпанным бриллиантами, ибо этот русский был склонен судить о достойном его собеседнике в немалой степени по мишуре, собеседнику сопутствующей, и на часах Паркера взор Сергея останавливался, как тот подсчитал, семь раз...

Вот же — туземец, хотя и мультимиллионер...

Арендовав в отеле «Тойоту» с кондиционером, Джошуа покатил в город. Впрочем, городом, в американском или в европейском смысле этого слова, столице данного островного государства можно было назвать едва ли. Скопище лачуг с деревянными ставнями одинаково блеклого малинового цвета, считанные кирпичные здания вокруг центрального перекрестка с установленной на нем миниатюрной копией лондонского Биг-Бена, неряшливо, с потеками окрашенной тусклой серебристой эмалью. И самое респектабельное и высокое здание столицы — Центр культуры США с реющим над ним звездно-полосатым стягом...

«Жена» — она же связник с резидентурой, наверняка изнаывающей от безделья и скуки в этом кораллово-тропическом земном раю, встретила его в условленном месте, неподалеку от архитектурной пародии на лондонскую достопримечательность, воздвигнутую здесь ностальгирующими переселенцами из Старого Света.

Брюнетка лет двадцати пяти, хорошо сложенная, несколько замкнутая.

— Нам придется жить в одном номере, — сказал Паркер, укладывая в багажник машины ее сумку.

— Знаю. Кровати, надеюсь, раздельные? — спросила она с ледяной интонацией.

— Я вам неприятен? — чарующе улыбнулся Джошуа.

— Приятны весьма. Но не настолько, чтобы с вами спать, — прозвучал нелицеприятный ответ.

— Не настаиваю. — Он повернул регулятор кондиционера на полную мощь. — К тому же, надеюсь, вам не так уж долго придется терпеть мое общество. Я уже сегодня вошел в контакт с объектом и приглашен вечером к нему в гости. Вместе с вами. Так что, возможно, операцию проведем завтра. Ваша вспомогательная группа готова?

— Конечно, мистер Майк Дуднев... — Ее губы едва шевельнулись. В глазах играла какая-то странная, презрительная насмешка. — Вы запомнили мое имя?

— Да, Лесли... — Джошуа растерянно посмотрел в окно на темно-зеленые холмы острова, над которыми клубились низкие, дымные облака, уносясь в океан.

Эта умненькая стерва была ему неприятна. И за такое его чувство она поплатится. Жизнью. Он так решил.

Вечер провели славно. Джошуа, конечно же, обнаружил кучу болезней у всех присутствующих, вставил на положенное место выскочивший позвонок Сергею, затем принес тонкие витые иголки, проведя отдельный сеанс всем присутствующим простачкам, включая и клюнувшую на приманку Лесли, также поверившую в его способности обучавшегося на Востоке целителя и, естественно, не подозревавшую, что, проникнув в ее плоть, вирус, невидимо прилипший к стали игл, стремительно канул в кровь, тут же набираясь сил, осваиваясь в питающей его среде...

Джошуа был удовлетворен. Сегодня он принес в жертву четверых.

Они еще ни о чем не подозревали, эти глупые кролики: веселились, пили светлое виноградное вино, импортируемое сюда, на острова, из Южной Африки; рассказывали анекдоты, глупо пытались прогнозировать будущее...

— Послушай, Сергей, — обратился Джошуа к своему пациенту-смертнику, — я завтра собираюсь на

серьезную рыбалку, Лесли купила для меня лицензию. Но на судне есть еще одно место. Ты не против присоединиться? Приглашаю. Впечатления, уверяю, — космические!

— А кого будем ловить?

— Большую белую акулу.

— А мы?! — ревниво завизжали блондинки.

— О, девочки, — вступила в игру Лесли, — даже не думайте! Это не рыбалка, бойня! Ведра крови и потрохов... Вы думаете, они поймают рыбу? Да у нее человеческие глаза. Она так смотрит на вас...

— Фу! — одинаково и одновременно высказались добросердечные блондинки.

— Живодерня... — морщась, продолжила Лесли. — У меня было плохо с сердцем!

— Еду! — запальчиво заявил Сергей, нетрезво махнув рукой. — Да, между прочим... Я, когда... Ну, в общем, ребята, был я в свое время некоторым советским начальником, так сказать...

— Так сказать, — многозначительно повторила за ним одна из блондинок.

— М-да. Так вот. А приятель у меня был — прокурор Каспийского моря. Ну, в общем, как-то он по-другому назывался — то ли начальником водно-транспортной прокуратуры, то ли еще как... Э-э, ты вообще понимаешь, Майк, что значит такая должность? А? В брежневское, золотое, бля, время?!

— Сержик, не ругайся, — сказала одна из блондинок.

— Бует эта... сделано. Так вот мы с ним ездили на рыбалку. С рыбинспекцией. Конфисковали сети. Ну, белуга там, севрюга, осетры... Тазы икры. А шашлык! Эй, Майк, ты ел когда-нибудь шашлык из осетрины, переложенный раковыми шейками, посыпанный свежей кинзой?.. А?

— Тогда тебе просто необходимо завтра поймать акулу! — провозгласил Паркер. — И после этого мы присвоим тебе титул... академика ихтиологии!

— Титул... чего? А, шутишь, доктор...

Сергей был уже изрядно пьян, что Джошуа несколько тревожило.

Похмельное состояние объекта могло расстроить завтрашние планы.

— Все! — Паркер, допив рюмку, с демонстративным стуком опустил ее на стол. — Спать! Утром за вами зайду. Только не подведите. Перед тем как прийти к вам, я обязан подтвердить, что...

— И даже не беспокойся! — властным голосом заверил Сергей.

Возвратившись в свой номер, Джошуа незамедлительно улегся в кровать, не обращая внимания на Лесли. Та срочно перезванивала в город агентуре, должной уже сейчас готовиться к грядущему, весьма непростому дню.

Вскоре свет в номере погас. Еще с минуту он лежал, затаив дыхание и прислушиваясь к доносившимся до него шорохам простынь — напарница тоже укладывалась спать.

— Не хочешь на сон грядущий заглянуть к дяде в гости? — негромко спросил он.

— Я стесняюсь докторов, — донесся отчужденный ответ.

Ни одной обнадеживающей интонации в ее голосе Джошуа не расслышал, хотя и надеялся...

Он тихонько рассмеялся, вспомнив, как иглы, медленно вращаясь, внедряли вирус в ее плоть...

Что ж, выпендривайся, сучка, торжествуй, куй свои принципы и самоутверждайся... На здоровье!

И он уснул счастливым, надеясь на то, что сегодня ему не приснится проклятый неизменный сон: будто он идет черными безжизненными лесами, пронизанными реками, в чьей стоячей воде, замерев, стоят в ожидании неведомой добычи хищные серебристые рыбы с антрацитовыми спинами, и мертвые серые водоросли шевелятся, лаская их молочно-белые, набитые придонной нечистью брюшины... И почему-то ему, Джошуа, бредущему по неведомому бесконечному пути, надо обязательно переплывать эти бесчисленные реки — артерии пустых чашоб, ступая в густой, засасывающий ил их берегов, подернутый коричневатой мертвой водой...

Море сияло расплавленным золотом замершего в зените солнца.

На носу баркаса двое худошавых креолов готовили для рыбалки снасть: один из них разворачивал бухту полудюймового капронового каната, запаянного в стакан металлического набалдашника, из которого тянулся метровый стальной трос «поводка», увенчанный огромным, в локоть длиной, крюком. Второй креол умещал на крюке обрывок ярко-красной упаковочной материи из плотно сплетенных пластиковых волокон.

Похмельный Сергей с бутылочкой запотевшего пива в дрожащей руке, одетый в шорты, панаму и беленькую футболку с длинными рукавами, долженую спасти его от тропического солнечного ожога, сидел на корме, очумело глядя в колышущуюся за бортом теплую синюю воду.

Джошуа умиротворенно смотрел в пространство, пытаясь различить в знойном мареве дрожащую черту слияния воздуха и воды.

Все-таки этот мир был завораживающе дивен...

И неужели вскоре он лишится его, пав в каменное отчаяние тьмы и бесконечной стерильной боли!..

Нет, он не верил в тот выдуманный христианами ад; его ждала такая же преисподняя — золотисто-солнечная, прекрасная, пусть и кроваво-жестокая в своей сути, но разве не был пронизан и этот мир несущей разрушение невидимой радиацией; разве не жаждали крови и страдания своих жертв обитатели прозрачного голубого пространства, кружившие вокруг судна, парализованно оскалив свои пасти с гниющей на кинжалах зубов плотью; разве он, Джошуа, не готовился сейчас, через считанные минуты, атаковать, подобно алчущей крови барракуде, этого полупьяного человечка с рябым лицом — тоже хищника, насосавшегося крови себе подобных и теперь беспечно умиротворенного этими тепленькими солнышком и водичкой, как бы ему и принадлежавшими, напрочь забывшего о какой-либо опасности и расплате...

Крюк с лохмотьями красной тряпки бесшумно поглотила вода.

Креол предостерегающе крикнул, советуя пассажирам сохранять равновесие, и тут же судно круто дернуло вбок, Сергей, не удержавшись, повалился на дно баркаса, выронив бутылку, из которой потянулся белоснежный пенный след вылившегося пива, а Джошуа, подставив лицо легкому бризу, рассмеялся, глядя на неуклюжего компаньона, беззаботно и радостно...

— Ключуло, что ли? — растерянно спросил Сергей, дрожащей рукой нащупав бутылку.

— О да! — кивнул Джошуа.

Из чавкнувшей водной глади вертикально вздыбилась в облаке жемчужных брызг тупая морда четырехметровой акулы, закусившей в своей как бы радостно разверзнутой пасти кованый крюк, чье острие опухолью выперло под влажным скользким подгубьем и наконец, разорвав кожу, вышло наружу с выплеснувшимся фонтанчиком алой крови.

— Нет, это не осетров ловить... — ошарашенно выдохнул Сергей.

Акула ушла в глубину, выписывая там лихорадочные напрасные пируэты; лодку мотало, а довольно улыбающиеся креолы, ожидая, когда рыба потеряет силу, перекуривали, неспешно налаживая буксировочную лебедку, чтобы пришвартовать добычу к борту.

— У нас есть минут сорок, — сказал Джошуа Сергею.

— Пока рыба выдохнется? — спросил тот, открывая очередную бутылку, вытащенную из сумки-холодильника.

— Да. И вообще для разговора. — Джошуа выдержал паузу. — Серьезного разговора, Сережа... Я представляю организацию, у которой к тебе имеются кое-какие вопросы.

Сергей отставил пиво в сторону, заметно побледнев.

— Ну и?.. — спросил осипшим голосом.

— Да-да, — грустно кивнул Джошуа. — Понимаю. Жаль. Жаль, что все это... — обвел рукой панораму океана, — оказалось всего лишь приятной мистификацией и приходится возвращаться — увы! — к той реаль-

ности, с которой все и началось... — Он выразительно посмотрел на одного из креолов, тут же доставшего из небольшого шкафчика, вмонтированного в носовую перегородку судна, небольшой кожаный саквояж. — Сергей, — усталым тоном продолжил Джошуа, — ты, насколько мне известно, весьма разумный человек, в прошлом — тесно связанный с КГБ, а потому надеюсь на твою корректность и полное понимание ситуации... Глупое физическое сопротивление приведет тебя в компанию местных акул. А гарантий в отношении их лояльности к тебе я дать не смогу. Что же касается моего дружелюбия — оно несомненно. И так?

— Что вы хотите?

— Знаешь, как говорят в России? Сначала давай примем на грудь... — Джошуа, открыв саквояжик, достал из него шприц и ампулу с острой синей головкой.

— Слушайте, а без этого, что, никак нельзя? — произнес Сергей, ненавидящим взглядом буравя Паркера.

— Это гарантия твоей откровенности, — мягко улыбнулся тот. — Ничего страшного, поверь... Препарат действует всего лишь полчаса, последствий никаких, тебе он даже полезен, поскольку снимет синдром абстиненции... Спорить же не надо. Мне проще прострелить тебе голову и скинуть за борт, доложив, что ты...

— Коли, с-сука... — прошипел Сергей.

— Вот и хорошо. Ну, смелее, давай ручку... Вот так, умница.

Джошуа работал с двумя видами препаратов, подавляющих волю допрашиваемых.

Первые — медикаменты группы А — вводили человека в состояние восторженной эйфории и неумной болтливости, сопровождающейся стремлением ответить на вопросы с обилием подробностей, подчас путанных и пустых; средства же группы В оказывали, наоборот, угнетающее воздействие на психику: пациентом овладевал парализующий страх, мир, окружающий его, становился рельефным, приобретая жесткие, ломкие линии; слова допрашивающего гремели громом небесным, а ложь означала ужасную гибель, которую несло в

себе готовое сжаться, подобно челюстям акулы, грозное, ирреальное пространство мира...

Джошуа очень любил препараты группы В.

Выдернув тонкую иглу из вены Сергея, он легким движением заклеил ранку останавливающим кровотечение пластырем. Выждав с полминуты, произнес, с усмешкой заглянув в остекленевшие глаза собеседника:

— Ты будешь говорить мне правду, иначе придет страшное наказание... понимаешь?

— Да, — отозвался ровный, мертвый голос.

— Тебе известна суть операции «Вавилон»?

— Да... Распад страны... я знаю...

— Почему ты не погиб и живешь в Англии?

— Я поставил условие... Лысому. У меня счета партии... И система. Пять человек... Если я погибну, он станет нищ...

— Ты никому не говорил об операции «Вавилон»?

— Нет... Я не скажу никому, никому! — Собеседник внезапно всплакнул.

Лодку вновь сильно дернуло. Джошуа поморщился досадливо, посмотрев на креолов, озабоченно возившихся со снастью и не обращавших ни малейшего внимания на своих пассажиров.

— Хорошо. — Он погладил Сергея по голове, утешая его, как несправедливо обиженного ребенка.

Неожиданно разрыдавшись, тот ткнулся лицом в грудь Джошуа.

— Ничего, ничего... малыш... — С замершей на губах улыбкой Паркер невидяще смотрел в океан, ощущая под ладонью мелко дрожащий затылок жертвы. — Но тебя же навешали люди из КГБ, так? — продолжил он.

— Да... Да!

— Зачем?

— У них организация... Многие ушли... И создали свою организацию.

— Какую?

— Они работают и в стране, и за рубежом... Люди из КГБ, ГРУ, армии... Они потребовали от меня счета... Я отдал. Я им все отдал... Они оставили мне совсем немного...

— Они — грабители?

— Нет... Они возвращают достояние страны... Они все знают... Они вернут деньги обратно, с Запада, когда провалится операция «Вавилон». Они выжидают.

— Они хотят реставрации старого строя?

— Нет... Национальная идея... Он сказал... реставрированные вещи — ветхие, они не служат долго, такие вещи...

— Кто сказал?

— Тот, полковник...

— И ты отдал ему счета? Просто, легко отдал счета?

— Мне приказал Терехин... Терехин все знает. Терехин сказал: отдай...

— Терехин входит в твою систему?

— Входил... Терехин сказал: Лысому конец, он уже пустой, Лысый... Отдай, сказал Терехин. Он сказал: это люди из будущего...

— Полковник? — уточнил Паркер.

— Да...

— Ты его знаешь?

— Нет, знает Терехин...

Джошуа замолчал. Он как бы увидел все происходящее глазами Сергея: шприц, выброшенный за борт и теперь парящий в синей глубине, с капелькой воздуха, застывшей на острие иглы; гладь океана над ним, тяжело вздымающаяся к небесам ровной свинцово-синей стеной; дергающийся шарик солнца, словно дразнящий устремленный за ним акулий оскал...

— А где находится Терехин? — спросил Паркер вкрадчиво.

— В Бангкоке... У него выкуплен номер. Свой номер в отеле «Уотергейт».

Сергей запнулся. Растерянно встряхнул головой. Вытер слезы каким-то механическим, произвольным движением. Затем уставился на Джошуа тревожным, вопрошающим взглядом.

— Ну вот и все, — улыбнулся тот.

— А что, собственно, было?..

— Поймали акулу... — Паркер кивнул в сторону

креолов, подтянувших рыбину к борту судна и размашистыми ударами мачете крошивших ее голову.

— Значит, прокачали меня? — жалко усмехнулся Сергей.

— Да, — сухо кивнул Джошуа, глядя в агатовый акулий глаз, разрубленный напополам лезвием. — А теперь позвольте вопрос: что за таинственную структуру организовали военные и чекисты? Как вы понимаете ее суть?

— Суть... — Сергей снова потрянул головой, будто отгоняя от себя некое наваждение. — Какая у них там суть!.. Они же не способны выработать ничего оригинального. База — патриотизм, национальное возрождение, прочая подобная мура.

— Почему мура? Любовь к народу — это благородно, это...

— Да ладно вам! — перебил Сергей. — Народ... Его нет. И не было. Это условность. А если о патетическом его понятии, бытующем в России, то так: существовала когда-то интеллигенция, тоскующая о духе, воплощенном якобы в тех, кто ее окружал. Чушь! Народ — быдло. Хитрое, жрущее, жестокое. И любить русский народ — любить сказку о нем. Кстати, хваленый фольклор его примитивен, топорен, а изумляющая всех разухабистость — от невежества, а не от широты души, как принято заблуждаться.

— Ладно, — сказал Джошуа. — Вернемся к теме. Меня интересует подоплека, смысл...

— На сей день смысл заключается в выжидании перемен, как понимаю. В подготовке их почвы. Это задача внутренней структуры. А структура внешняя... Ну, выбивают деньги. Что еще? Наверное, что-то и еще...

— Это знает Терехин?

Сергей помедлил с ответом, пристально глядя на Паркера.

— Да, прокачали! — молвил с досадой. — Ну... наверное, знает...

— А что он делает?

— Терехин? Да ничего. Пьет себе потихонечку, ходит по шляхам, они там на каждом углу...

— Если я не найду Терехина в Бангкоке, — лучась улыбкой, произнес Джошуа, — вы даже не представляете...

— Найдете, — оборвал его Сергей. — Не в Бангкоке, так в Паттайе, неподалеку. Отель «Royal Cliff», его любимый. Кстати, можете передать своим шефам: я всего лишь хочу тихо и сытно дожить на те деньги, что у меня остались. Иных жизненных целей не преследую. Попросите их оставить меня в покое.

— Обязательно передам, — согласился Паркер. — А вам совет: увольте вашу бессмысленную охрану. Удовольствие дорогое и глупое. Спецслужбам она не помеха, а в тот район Лондона, где вы проживаете, шпана не заходит. Теперь. Объясните вашим дамам мое сегодняшнее отбытие из отеля как-то убедительно. Вы, насколько я знаю, большой выдумщик.

— Вас так беспокоят протокольные вопросы?

— Даже малейшие сомнения в посторонних умах способны привести к непредсказуемым последствиям, милый друг, — сказал Джошуа. — Кстати, один из вариантов сегодняшнего диалога предусматривал ликвидацию всего вашего окружения. Вариант, конечно, гипотетический... Но все-таки поздравляю вас с его невоплощением в реальность.

— Мне очень трудно выразить вам искреннюю признательность, — сказал Сергей, сплюнув за борт, где плавали кровавые сгустки и взвесь костяного крошева, тянущиеся от разбитой акульей головы.

Паркер рассеянно улыбнулся. В своих мыслях он уже был в Бангкоке, на одной из двух улочек, славившихся множеством бардаков с дешевыми красивыми тайками...

Эти улочки, воздух которых пронизывали порок, обман и нажива, он хорошо знал. И стремился именно к ним. Они воплощали его мечту о том аде, которого он жаждал.

Буддийские же пагоды, дворцы и прочая экзотическая дребедень его не интересовали.

ЧАСТЬ I

Конвойная рота

ГЛАВА 1

Погожим майским вечером я, Анатолий Подкопаев, сержант срочной службы внутренних войск, вес — сто, рост — сто девяносто пять, цвет глаз — серый, волосы, отросшие уже сверх положенной уставом нормы, — русые, вышел со скаткой и вещмешком на плече из рейсового «Икаруса», следующего по маршруту Ростов-на-Дону—Волгодонск.

Помахав на прощание рукой водителю автобуса, а вернее, в сторону зеркальной калоши бокового обзора, я настороженно оглядел панораму до сей поры незнакомой мне местности.

Взору моему, еще затуманенному тряской дорожной дремотой, предстал небольшой степной поселок: унылые малоэтажные строения серого кирпича, частные покосившиеся хибары, чью замшелую непривлекательность скрашивали цветущие, как им было положено в данную весеннюю пору, кущи яблонь и вишен, и облезлые, в серо-зеленой заплесневелой штукатурке, с приземистыми купеческими колоннами здания административных учреждений, отмеченных неизбывной аурой некогда властвовавшего в их стенах большевизма, военизированного коммунизма и прочих протухших «измов», таковую стойкую историческую ауру составляющих.

У парадного входа одного из провинциальных архитектурных реликтов эпохи недоразвитого социализ-

ма тусовалась замызганная стайка пегих российских дворняг.

Подобно тысячам иных российских поселков так называемого «городского типа», данный микрополис ничем выдающимся в своей сути не отличался, разве что глинистая сухая пустошь без единой травинки, на которой, густо и смоляно чадя соляжкой, разворачивался сейчас рейсовый автобус, направлявшийся обратно к трассе, являла собой своеобразную городскую площадь перед воротами зоны, обнесенной серым дощатым забором и покосившейся изгородью из колючей проволоки, вдоль которой тянулась утоптанная каральная тропка.

Чернели в предвечернем небе угловые вышки с нахлившимися фигурками постовых солдатиков.

Прибыли.

Я плотнее уместил на затылке фуражку с околышем цвета спелой вишни. Вот и цель очередного из моих перемещений. Поселок Северный, исправительно-трудовая колония номер семь. Режим — общий. Значит, тут мне и куковать... Полтора, мать твою, годика!

Удалявшийся от площади «Икарус» вдруг круто свернул вправо, едва не угодив задним колесом в узкую канаву кювета, и, рыгая ядовитой сажой выхлопных газов, перекосенно замер на обочине, уступая тесную ленту дороги движущейся с зажженными фарами встречной колонне грузовиков с кузовами-клетками, сваренными из строительной арматуры, в которых колыхалась запрошенная белесой проселочной пылью серо-черная масса возвращавшихся с работы бригад эков.

Грузовики скучились на площади, залязгала сталь отпираемых запоров бортов, соскочил на землю из угловых закутков кузовов конвой, затопав по сухой звонкой глине кирзой сапог, юлой завертелись на длинных поводках овчарки, рыком встречая выпадающую из клеток и привычно строящуюся по пятеркам толпу в одинаковых черных спецовках и таких же черных чепчиках с козырьками; в зоне внезапно, словно исподтишка, ударил гонг, вязкий тягучий звук распластался в беспечной тишине майского вечера, едко истаивая в

ней, и последняя вкрадчивая нота его долго и неразлично зависла в пространстве.

Тут мне несвязно подумалось о нелепом противоречии между дивной весенней природой и миром людей, ибо никак не соотносилось фиолетовое небо с багряно-золотой полосой заката, нежные лепестки яблонь и молодая липкая зелень тополей с потертой сталью автоматов, блеклыми гимнастерками конвойных и черными колоннами наголо остриженных людей, заложив руки за спины уходивших после обыска контролерами-прапорщиками в разверзнутые ворота зоны, к побеленным баракам.

Машины с кузовами-клетками, разворачиваясь, отбывали на свои промасленные автобазы — кончался рабочий день.

Нехотя, словно зачарованное ширью степных виноградников и бахчей, скрывалось за их раздольем закатное солнце.

— Ты, случаем, не к нам, командир?

Я обернулся.

Передо мной стоял коренастый крутолобый ефрейтор с ручным пулеметом, свисавшим стволом вниз с брезентового ремня, вдавившегося в обшарпанный погон с тонкой золотистой лычкой, почерневшей от грязи.

Подворотничок гимнастерки у ефрейтора, наспех прихваченный отчего-то красной ниткой, был влажно-сер от дорожной пыли, запорошившей и пилотку, и складки хромовых офицерских сапог с щегольски припущенными голенищами, и рябую, алкоголически багровую физиономию, на которой узкими холодными щелочками выделялись цепкие недоверчивые глазки.

— Если здесь шестнадцатая рота, то к вам, — ответил я равнодушно.

— Других рот тут нет, — ответил ефрейтор, протягивая руку. Представился: — Харитонов. Кличут Серегой.

— Анатолий. Подкопаев, — сказал я, пожимая вялую кисть нового сослуживца.

— После учебки? — спросил ефрейтор, поправив подсумок с запасными пулеметными магазинами, укрепленный на свисающем к паху ремне.

На выбившемся конце ремня виднелась отчетливая «елочка» зарубок — по количеству прошедших месяцев службы. Зарубок было много, из чего явствовало, что ефрейтор принадлежал к элите «старичков».

— Да, после учебки...

— Салабон, значит, — сплюнул ефрейтор. — Ну, по каналу, салабон, дослуживать отчизне... Крышу с антенной, что навроне метлы дворницкой, видишь? Там вот и рота. Номер шестнадцать. Ростовского полка внутренних войск Министерства таких же внутренних дел. Сам-то откуда родом?

— Из Москвы.

— О, высокий гость из столицы! — прокомментировал краснорожий ефрейтор. — Ну, тебя здесь встретит рота почетного караула, готовься.

В голосе пулеметносителя сквозила отчетливая, даже агрессивная неприязнь. Однако неприязнь эта меня не задела, иммунитет к ней за прошедшие полгода службы выработался стойкий.

Да, не любили нас, москвичей, соотечественники. И почитали за какую-то особую, чуждую народу русскому нацию. Сначала такому отношению я искренне удивлялся, после же, свыкшись, начал воспринимать его с презрительным равнодушием. Но природа болезненной внутренней зависти провинциалов к обитателям столицы оставалась для меня неизменной загадкой. Отчего происходила эта зависть? От того, что жителям Москвы больше привилегий перепадает? Или от того, что по складу ума и характерам мы иные, нежели наши периферийные российские собратья — истинные, так сказать, русские, кондовые?..

По дороге развязный ефрейтор многократно пытался завести разговор на ту или иную тему, но я упорно отмалчивался, и до железных ворот с намалеванными на них красными звездами, за которыми располагалось двухэтажное кирпичное здание конвойного подразделения, мы, будущие сослуживцы, дошли в сосредоточенном молчании, минули пустовавший КП и очутились у входа в казарму, где наши пути разошлись: ефрейтор отправился к «прилавку» ружья для сдачи оружия и бо-

еприпасов, а я пошел в канцелярию роты, дабы отпортовать местному начальству о своем прибытии по назначению для дальнейшего прохождения и так далее.

За столом канцелярии, спиной к окну, сидел капитан лет сорока с желчным лицом хронического язвенника и гладко зачесанными назад редкими волосами, тронутыми проседью.

Капитан курил вонючую папиросу местной марки. Мой рапорт он выслушал равнодушно, откинувшись на спинку обтянутого черным дерматином кресла, и по завершении монолога спросил кратко и внятно:

— Пьешь?

— Ну так... — замялся я. — По торжественным случаям.

— А торжественный случай — когда есть что выпить?

Я молчал, теряясь в догадках, чем вызван такой настойчивый интерес ротного к моим неуставным отношениям с зеленым змием.

— Я в смысле — злоупотребляешь? — уточнил капитан.

— Вот это нет, — отозвался я искренне.

— Уже хорошо, — сказал капитан. — Если не брешешь. Парень ты вроде ничего, приличный с виду...

Он загасил папиросу и, встав из-за стола, тяжело заходил по тесной, как ножны охотничьего тесака, канцелярии.

— Так, — почесал в раздумье коротко стриженный затылок. — Значит, ты к нам на должность инструктора по инженерно-техническим средствам охраны. Так?

— ... точно, — добавил я.

— Ну и какие такие средства ты изучал? — испытующе зыркнул на меня капитан.

— Всякие... Телеемкостную систему, радиолучевые датчики, ограждение «ёж»...

— ... твою мышь, — сказал капитан.

— Что?

— Ёж твою мышь, — процедил капитан со вздохом. — Нет у нас тут никаких телеемкостей и всякой там, понимаешь, аппаратуры...